

ЛЕНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В XVII–XIX ВЕКАХ

Мир окружающих нас вещей непостоянен. Время течет неумолимо, быстро меняя привычные вещи до неузнаваемости. Не исключение в этом и человеческое жилище, которое неизбежно трансформируется, приобретая в каждый новый период времени иной облик. В связи с этим сегодня уже трудно в деталях представить, как выглядели жилища ленских крестьян век или два назад. Тем не менее, попытаемся осветить этот вопрос, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники.

Главным, наиболее необходимым строением любого крестьянского двора в Сибири была изба – срубное жилое помещение. Само слово «изба» происходит от древнерусского «истьба» (уменьшительное «истобка»), встречавшегося в русских летописях с X в. и означавшего «дом, баня». Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, праславянская основа этого слова, по всей видимости, происходит от германского «stuba» – «теплое помещение, баня», однако в народном толковании слово «истобка» («истопка») связывалось со словами «топить», «истопить» [1]. Эта версия популярна среди народа до сих пор, ведь изба всегда была и остается отапливаемым помещением.

Основой избы является сруб – прямоугольная в плане конструкция из горизонтальных рядов бревен, связанных между собою угловыми врубками. За долгую историю бытования в конструкцию избы было внесено немало изменений, но они не коснулись главного – срубного принципа. Самая простая изба до сих пор представляет собой бревчатый сруб с размещенной внутри печью.

В зависимости от того, какая печь устраивалась в срубе, изба называлась «черной» или «белой». Название черной (курной) избы определяла установка в ней беструбной русской печи, топившейся по-черному. Дым, выходя из устья такой печи, заполнял жилище и оседал копотью на потолке и верхней части стен. Для выхода дыма из избы необходимо было открыть дверь или специальное дымовое отверстие (волоковое окно).

В XVII – начале XVIII в. черные избы в среде русского населения преобладали по всей территории Восточной Сибири. И.Г. Гмелин, участник Второй Камчатской экспедиции, находясь в 1730-е гг. в Илимске, центре Илимского воеводства, записал в своем дневнике: «Все жилые дома частных лиц очень плохи. Во всем городе только одна комната, свободная от дыма, но и она так плоха, что лучше нее взять черную избу. Я жил в паршивой черной комнате, в которой часто в облачную погоду среди бела дня приходилось зажигать свечу. Если я что-нибудь писал или читал, то вскоре бумага покрывалась падающей копотью» [2].

В белых избах ставились печи, дополненные трубами, выводившими дым из топки на улицу. В XVII – начале XVIII в. в Сибири белые избы являлись скорее исключением, чем правилом, хотя территориально встречались уже во многих местах, в первую очередь, конечно, в городах и острогах. Так, в 1704 г. в переписной книге постоянных дворов Енисейска не раз указывались жилища, отапливаемые по-белому – кирпичными печами с кирпичными же выводными трубами: «Да в той избе печь кирпичная, труба выводная кирпичная»; «А у того хоромного строения <...> печи кирпичные и трубы выводные кирпичные» [3].

В составленной в 1724 г. описи Братского острога были указаны «2 прикащичьи новые избы, в том числе одна белая, другая черная, промеж ими сени с казенкою» [4].

Жилище XVII–XVIII вв. могло состоять как из одной избы (однокамерное жилище), так и из избы с сенями (двухкамерное жилище). К примеру, в переписной книге конца XVII – начала XVIII в. было записано: «У иркуцкого конного казака Петра Меркулова двор, во дворе строения: изба черная с передсеньем, покрыта под одну кровлю, в сенях забран чулан, пожитков никаких нет» [5].

С увеличением семьи или ростом ее достатка двухкамерное жилище повсеместно превращалось в трехкамерное. В конце XVII – начале XVIII в. рядом с жилой избой часто ставилась клеть – сруб без печи, предназначавшийся для хранения имущества, а также использовавшийся для проживания летом: «У иркутского пешево казака Василья Зензинова двор. На дворе хором: изба черная да клеть, в ней забрана казенка. Между избою и клетью сени под одною кровлею» [6]. Или другой пример, из окрестностей Иркутска: «В Карлуцкой деревне. У пашенного крестьянина у Гаврила Познякава с сыном его Иваном Гавриловым дворового строения: изба черная, против ея клеть, меж избою и клетью сени под одною кровлею» [7].

В этом случае изба-сени-клеть, выстраиваясь в одну линию и перекрываясь единой крышей, образовывали так называемый дом на связи, или дом-связь (трехкамерное жилище).

Изба-сени-горница – другой распространенный вариант трехкамерного жилища в Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII в.: «У иркутского посатцкого человека у Василья Елезова двор, а на дворе строения: изба черная, против ея горница, меж ими сени под одною кровлею...». Или: «В Карлуцкой деревни. У пашенного крестьянина у Митрофана Гранина двор. А на дворе строения: горница белая. Против ея изба черная, меж избою и горницею сени под кровлею» [8].

Горница – чистая половина крестьянского жилища – нередко бывала холодной, по типу клетки, а если отапливалась, то только белой печью: «В горнице печь кирпичная с трубой выводною» [9].

Судя по цитируемым документам, некоторые жилые, а также разные хозяйственные постройки, входившие в состав двора, могли состоять не из одного помещения. Так, в переписных книгах упоминаются клетки и амбары «о двух житьях». В одном случае отмечены «сени с перерубом». Кроме того, в клетях, а также в избах, горницах и еще чаще в сенях выгораживались кладовые, называвшиеся казенками [10] и чуланами: «в сенях забран чулан»; «в верхних сенях чулан забран в косяк. У него двери на крюках»; «в избе казенка забрана в косяк. У избы и у казенки двери на крюках железных»; «в сенях подволока тесовая. Да казенка в сенях в косяк забрана. А у казенки двери на крюках железных» [11].

Часто встречающееся в этих описаниях слово «подволока» следует понимать как потолок [12]. В цитируемых документах подволока упоминается исключительно в сенях и клетях. При этом в подавляющем большинстве случаев в описаниях говорится о тесовой подволоке и лишь однажды наряду с таковой отмечена «наметная»: «В клетки два окна волоковые, подволока тесовая и в сенях подволока наметная» [13]. По аналогии с описанным в Приангарье «наметным, или накидным полом», у которого доски не укреплялись в стенах, а лишь прислонялись к ним [14], можно предположить аналогичную конструктивную особенность и у данной подволоки, тем более что она была выполнена в неотапливаемых, не требующих особого теплосбережения сенях [15].

Свидетельством достатка хозяина дома в цитируемых описаниях служили двери, навешивавшиеся «на крюках железных». Они постепенно вытесняли обычные для жилищ того времени двери на деревянном ходу: с особыми выступами на полотне двери – пятами («у онога анбара двери на пятах деревянных» [16] и соответствующими углублениями в дверных колодах – подпятниками).

Помимо горизонтальной планировки жилища необходимо обратить внимание и на его вертикальное деление. Если говорить об избе, то она могла быть «поземной», т. е. устанавливаться прямо на земле («На дворе хоромного строения: избенка поземная. Против ея клетенко. Меж ими сени под одною кровлею, все ветхое» [17], а могла располагаться на «подклете» («подклети»), т. е. на нижнем этаже, имевшем обычно подсобно-хозяйственное назначение.

В истории домостроительства известен высокий, средний и низкий подклет, образовывавшийся в зависимости от того, в какой от низа венец избы врубались доски

пола. Высокий подклет был характерен для Севера Руси, в южных же районах он отсутствовал, там изба была поземной с земляным полом.

В отличие от поземной избы, словосочетание «поземная горница» в документах конца XVII – начала XVIII в. не встречается, горница устраивалась на подклете, оправдывая свое название, происходящее от древнерусского «горнь» – «верхний» [18]: «...горница белая на подклете, а у нее двои двери на крюках»; «...горница на подклете мерою двух сажен с аршином»; «...горница на подклете старая ветхая мерою трех сажен...» [19].

Судя по цитируемым документам, подклет горницы мог использоваться в разных целях. В одном случае упоминалась установленная в нем печь: «...горница на подклете <...> В подклете печь кирпичная с трубою выводною кирпичною» [20] (по-видимому, здесь находилась кухня), в другом под горницей была расположена мыловарня, в третьем – сени: «горница на подклете мерою двух сажен с аршином <...> под тою горницею сени забраны тесом» [21].

Разное назначение также имел подклет избы: «...изба старая мерою трех сажен с аршином <...> под тою избой анбар холодной, двери на крюках железных...»; «...изба новая мерою трех сажен с аршином <...> А под тою избой анбар. А другая половина – подполье»; «...изба новая мерою трех сажен <...> а под тою избой погреб мерою двух сажен» [22].

То же самое было характерно и для клетки, под которой могли располагаться и амбар, и погреб, и хлев свиной и скотский, и др.

Таким образом, в Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII в. подклет выглядел по сути как самостоятельный этаж (с дверями и окнами) и использовался в самых разнообразных целях. Но с течением времени его высота стала уменьшаться, и в конце XIX в. подклет жилых крестьянских построек представлял собой лишь верхнюю часть подполья.

Неотъемлемой особенностью каждого жилища являлись окна. В конце XVII – начале XVIII в., как правило, преобладали небольшие волоковые окна, которые прорубались в одном или, чаще, в двух смежных бревнах и задвигались (заволакивались) изнутри тесовой задвижкой. Оконные проемы больших размеров, обрамленные колодами (косяками), образовывали колодные (косячатые) окна. В то время в одном жилище, как правило, сочетались и волоковые, и колодные окна. Судя по переписной книге постоянных дворов Енисейска, у избы начала XVIII в. могло быть одно-два колодных окна и до семи волоковых: «...изба новая мерою трех сажен. У той избы семь окон волоковых»; «...изба старая, черная, мерою полтретьи [2,5] сажени. В той избе окно колодное, пять окон волоковых»; «...изба черная мерою трех сажен. В избе два окна колодные, шесть окон волоковых» [23].

В горницах количество колодных окон увеличивалось до трех-четырех, а количество волоковых уменьшалось до одного-трех. По одному-два колодных и до четырех волоковых окон прорубалось в клетях и подклетах, в одном случае колодное окно упоминалось даже в бане.

Колодные, а нередко и волоковые окна имели слюдяные оконницы (окончины) [24], в которых пластинки слюды либо сшивались, либо оковывались металлом: «В избе два окна колодные, три окна волоковых, в них оконницы слюдяные, четыре шитухи, пятая з железом»; «в той избе два окна колодных, в них окончины шитухи, пять окон волоковых, в них три окончины слюдяные с железом, две шитухи»; «изба черная, одне двери на крюках, в трех окнах колодных, да в трех волоковых оконницы слюдяные в белом железе, горница белая на подклете, а у нее двои двери на крюках. В шти окнах колодных оконницы слюдяные в белом железе» [25].

Об использовании слюды в домашнем обиходе И.Г. Гмелин в 1736 г. писал следующее: «Чтобы приготовить слюду к употреблению, ее щиплют, что делается с помощью двустороннего тонкого ножа, если ее немного потрясти, то она щиплется как

угодно. Но ее щиплют не очень тонко, а так, чтобы она сохранила крепость. Во всей Сибири ею пользуются вместо оконного стекла, и фонарные стекла из больших пластин выглядят очень хорошо. Нет стекла такой прозрачности и чистоты. В России в деревнях и во многих маленьких городах ее также ставят в окна <...> Но все же она подвержена некоторым изменениям. Если она очень долго находится на воздухе, то на ней возникают постепенно пятна, которые делают ее непрозрачной, особенно если на ней оседает пыль. Жир и копоть с нее тоже нелегко удалить» [26].

Слюда была наиболее качественным оконным материалом в то время. Ни одной стеклянной оконницы в документах начала XVIII в. не упоминается за их отсутствием (во всей Сибири тогда еще не было ни одного стекольного завода). Однако не упоминаются в использованных нами описаниях и другие, менее престижные, способы заполнения оконного проема, о которых мы расскажем ниже.

Избы и другое «хоромное строение» того времени покрывались драньём, или дранью, – неотесанными пластинами, получаемыми при расщеплении короткого, до сажени длиной, бревна: «покрыты горницы и анбар и баня драньём»; «покрыта та изба и сени и клеть и сарай сенной драньём» [27]. В редких случаях особо важные строения, например «прикащичьи новые избы» Братского острога (1724 г.), были «крыты тесом» [28]. Тес расходовался бережнее, поскольку его изготовление было более трудоемким и материалозатратным. Тесины (тесницы) получали из расколотых повдоль бревен, обтесанных затем топором. Из двух половин бревна получалось всего две тесины толщиной в 6–8 см. Пилёные же доски распространились в Сибири лишь в XIX в., после того, как пилы стали общеупотребительным инструментом.

Дворы огораживались «заплотом в столбы», огороды – «частоколом». Во дворе кроме избы, горницы и клетки могли также стоять амбар («анбар хлебный»), погреб («на дворе погреб с напогребицей»), баня («баня с передсеньём»), мыловарня («под горницей мыловарня»), кожевенная изба, сарай, колодец, хлев «скотской», хлев свиной, сенник («сенник рубленый»), стая («стая коневья, забрана в заплот»), «конное дворишко» и др. Вариантов в наполняемости двора было множество.

Некоторые хозяйственные постройки могли располагаться и вне двора, «на огороде», – баня, колодец, погреб и др.

Составив, таким образом, общее представление о жилище в Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII в., перейдем непосредственно к жилищам Приленья. Наиболее раннее известное нам свидетельство о них относится к лету 1663 г., т. е. к тому времени, когда на «великой реке Лене» появлялись первые жители. В купчей крепости, по которой для начинающего строиться Киренского Троицкого монастыря был приобретен находящийся в устье р. Киренги крестьянский двор, говорилось: «Се аз, Ленского волоку Илимского острогу Киренские Никольские волости пашенной крестьянин Петр Остафьев Аксамитов, продал есми в Никольской в Киренской волосте на усть Киренги реки двор свой со всяким дворовым строеньем Усть-Киренского новаго Троицкого монастыря строителю черному попу Ермогену.

А тот мой двор стоит на государеве земле. А на дворе хором: изба, а против ее анбар на подклете, да изба новая скоцкая без верха, и баня. А круг двора городьба и погребы да анбар хлебной, да гумно крытое и овин.

А взял я, Петр, у нево, строителя, черново попа Ермогена, за все дворовое строение сто девяносто рублей денег, все наперед у сей купчей» [29].

Из этого описания видно, что небольшое хозяйство ленского крестьянина состояло из самого необходимого для самостоятельной жизни: поземной избы для жилья, амбара с подклетом для хранения имущества и инвентаря, бани и хлева для скота. За огороженным двором были расположены погреба для хранения продуктов, овин для сушки хлебных снопов, крытое от непогоды гумно для их обмолота и амбар для хранения хлеба.

Амбары были неотъемлемой принадлежностью каждого крестьянского двора. В конце XVII – начале XVIII в. для хранения зернового хлеба зачастую рубился отдельный амбар, а потому в одном хозяйстве могло насчитываться до трех, четырех, а то и более одноярусных амбаров. Сохранившиеся же на Лене до сегодняшних дней двухъярусные многокамерные амбары, несомненно, явление более позднего времени. Возможно при этом, что полноценный нижний этаж двухъярусных амбаров образовался из бывшего подклета.

К 1700 г. относится описание находившегося в д. Полоротовской двора, в котором жили «криволуцкие прикащики»:

«Двор, где живут приказные.

Изба поземная с перегородкою.

Против избы онбар двойной над струбом. А на том онбаре горенка белая с клетушкою. А в той горенке печь кирпичная с выводом. А промеж избою [и] онбаром сени.

Да избенко малое.

Стая конская. Над стаю сарай, крыт драньем.

Перед двором на улице баня с передбаньем» [30].

Конечно, двор приказчиков Криволуцкой волости – это не крестьянский двор. Иное назначение определяло и другой характер входивших в состав двора жилых и хозяйственных построек. Отсюда и перегородка в избе, нехарактерная для крестьянских жилищ того времени. Отсюда и расположенная на амбаре «горенка белая» – едва ли не первое по времени свидетельство о жилом помещении на Лене, отапливаемом по-белому – кирпичной печью с выводной трубой.

Тем не менее, планировочный принцип строения остается тем же, что и у крестьянских построек, – это связь: изба-сени-амбар.

Отдельно во дворе поставлены маленькая избушка и конская стая с расположенным на ней «сараем», по всей видимости, для сена (сеновалом).

Интересно указание на расположение бани – «перед двором на улице». Исходя из преобладавшей ориентировки домов того времени – окнами на реку, следует думать, что баня была установлена на берегу Лены по идущей перед домами улице. Такое расположение бань и сегодня продолжает сохраняться в ряде ленских деревень.

Очередное свидетельство о ленских жилищах, относящееся к 1706 г., находим в книге В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня». Подробная опись имущества зажиточного крестьянина Бубнова с заимки Воронинской в Криволуцкой волости включала в себя и перечисление построек на его дворе: «жилая изба на подклете, перед избою сени с забором, перед сеньми анбар о трех житях, скотцкой двор на отставке, два анбара хлебные да баня, анбар да кожевня на повосте» [31].

Как правило, трехкамерное жилище в конце XVII – начале XVIII в. составляли изба, сени и клеть. В хозяйстве Бубнова клеть отсутствовала, ее заменял «анбар о трех житях», стоявший в одной связи с избой и сеньями.

«Сени с забором» здесь означают сени с отгороженной кладовой. «На отставке» – значит отдельно. То же самое означало выражение «на повосте» – так говорилось об отдельно стоявшей постройке [32].

В «Илимской пашне» В.Н. Шерстобоева сообщается также о выполненном в 1757 г. описании Киренского острога. Среди прочего в остроге находился и «ея императорского величества двор», в котором жили прикащики. В пересказе В.Н. Шерстобоева, «он состоял из избы "поземной", сеней, амбара. В избе имелось 2 окна косячатых и 5 волоковых, внутри находилась "казенка". Перед выходом из избы стоял амбар с 2 дверями, одна выводила к острогу, другая – к Лене. Перед избой имелась еще белая горница с 7 окнами и кирпичной печью, под горницей находился погреб. Позади избы и горницы видна была баня и около нее амбар "на отставке"» [33].

В этом описании все отдельные строения и упомянутые детали нам уже знакомы.

Следующие по времени описания ленских жилищ обнаруживаются в документах конца XVIII в., связанных с куплей-продажей домов. Так, в прошении киренского купца Ивана Иванова сына Шильникова писалось: «Купил я сего октября м-ца [1796 г.] киренской городской статной команды у капрала Ивана Иванова сына Буланова состоящей в городе Киренске собственной ево, Буланова, дом, то есть изба, чрез сени анбар, назади скотской двор з двумя хлевами и на отставке зимовье и баня и все прочее принадлежащее ко оному строение и с подворною усадебною землею...» [34].

Здесь впервые упоминается стоявшее во дворе «зимовье» – небольшая избушка, использовавшаяся как временное жилье для членов семьи, как жилье для работников или приспособлявавшаяся для хозяйственных нужд (в качестве летней кухни, например).

В другом случае, в написанном в январе 1791 г. «доношении» в Киренскую нижнюю расправу, сообщалось: «Продала я, именованная [Катерина Алексеева дочь Карабанская], здешнему городничему, коллежскому ассесору Андрею Игнатьеву сыну Белевскому собственной мужа моего дом, а имянно две горницы чрез сени и напротив горницы людские избы, на дворе горница холодная, анбар с погребом, скотской двор и баня, доставшийся мне по наследству со всеми к нему принадлежностями...» [35].

Отметим, что здесь в связи находились не черная изба и горница, как обычно, а две белые горницы, да во дворе стояли холодная горница и «людские избы». Хозяйство это, которым владел бывший киренский уездный казначей, провинциальный секретарь Карабанский, конечно, не рядовое.

Еще более интересное описание одного из хозяйств киренских жителей (казачьего сотника Ивана Качина) можем видеть в другом документе, датированном 1792 г.: «...и хозяйство – изба, внутри оной с принадлежащими приделками, у избы ж новые двери на железных крюках и петлях, у сеней двери на железных крюках и петлях з железною защолчкою, чрез сени анбар с перерубом, первой для клажи и содержания экипажу и летнего времени жителства, в окошках окончины слюденые, ставни деревянные, для запору ставней у каждого окна скобы железные, а задвижки деревянные, подвалока тесовая, второй для клажи съесных припасов с хлебными тремя засеками, подвалока тесовая, для ходу на сени лесница тесовая, поверх подвалоки анбарная заборная дощечная казенка, в ограде двои ворота на деревянных петах, скоцкая стайка для запору рогатого скота, клев новой, поверх оной сенник заборной, крыша желобовая, вокруг садового огорода большая часть огородбы стомовым тыном, а дастолая [остальная] покупным привозным жердовиком, в огороде баня, в садовике ж засажены хмелевых кореньев на межах по верхну и нижну сторону огорода...» [36].

Отметим, что в этом документе впервые упоминаются оконные ставни. Исследователи деревянного зодчества отмечают, что с появлением колодного окна для защиты от холода и ветра оно сначала заслонялось деревянным (иногда обшитым сукном) щитком-«вставнем». Впоследствии вставень был прикреплен к наличнику и превратился сначала в одностворчатый ставень, а затем в привычные нам двухстворчатые ставни [37].

Здесь же в первый раз на Лене нам встречается и кровля из желобника, хотя такой вид кровельного материала в Восточной Сибири известен по документам и в самом начале XVIII в.

По следующим двум обнаруженным в ГАИО документам можно получить представление о том, как происходила трансформация жилья. В первом из них значилось: «Лета тысяча семьсот восемьдесят девятого сентября в седмой день города Киренска штатной военной команды салдат Андрей Филипов сын Косыгин в роде своем не последний продал он того ж города Киренска винному приставу прапорщику Илье Петрову сыну Курбатову собственной свой дом: избу с сенми, у оных двери на крюках и петлях железных, чрез сени анбар холодной, оной дом крыт драньем и при оном баня

с передбанником, хлев скотской <...> под тем строением земли поперешнику двенадцать, длиннику тритцать сажен, взял он, Андрей, у него, Ильи, за тот дом со строением с подворною землею и усадбою денег пятнатцать рублей...» [38].

Через два года, 25 июня 1791 г., теперь уже «бывший» винный пристав Илья Петров сын Курбатов продал этот же дом подканцеляристу Киренского уездного казначейства Ивану Иванову сыну Мишарину. За время владения домом Илья Петров переделал стоящий в связи с избой амбар в горницу и теперь продал хозяйство уже не за 15, а за 35 рублей: «...собственной свой дом: избу с сенми, у оных двери на крюках и петлях железных, чрез сени горница и при оном доме баня с перетбанником и хлев скотской, под коим строением и усадбою земли поперешнику двенадцать, длиннику тритцать сажен за цену за тритцать за пять рублей» [39].

Во всех этих случаях перед нами описания жилищ горожан. С 1775 г. Киренск являлся уездным городом, хотя и совсем небольшим по количеству жителей: в 1803 г. в нем жило всего 648 человек [40]. В целом вряд ли киренские городские жилища принципиально отличались от крестьянских, хотя последние, несомненно, были беднее и проще по убранству жилых помещений, но разнообразнее по хозяйственным постройкам, связанным с обработкой сельскохозяйственных культур.

Несмотря на приведенные примеры, свидетельствующие о распространении горниц у ленских жителей, по крайней мере в домах уездного города Киренска, курные избы и в первой трети XIX в. продолжали пребывать на р. Лене в подавляющем большинстве. Так, Н.С. Щукин в книге «Поездка в Якутск», написанной на основе путевых заметок 1829 и 1830 гг., отмечал, что жители Киренского округа Иркутской губернии «имеют черные избы» [41].

В 1840 г. Н.С. Щукин вновь проехал по Лене, и во втором издании его книги появились более подробные сведения о ленских жилищах. Автор сообщал: «Селения [Верхоленской волости Иркутского округа] построены беспорядочно, и хотя нет домов, крытых соломою, зато много изб курных. В окнах по большей части слюда. Курные избы в Иркутской губернии остались только на Лене, там хотя и слабо, но все-таки защищают превосходство этих изб противу белых. Впрочем у многих крестьян есть и горницы с печками» [42].

В другом месте книги Н.С. Щукин обобщил сведения о жилищах Киренского округа: «Домы у крестьян бревенчатые, крытые тесом или дранью, с двумя дворами: передним и задним. На переднем бывают амбары для поклажи имущества и навес, под которым стоят телеги и сани; на заднем дворе держат скот. Тут же обыкновенно строится большой сеновал, или поветь, клевы для телят и ягнят. Домы по большей части курные и разделяются сенями на две половины: в задней бывает горница с печью. Хотя жители и заступаются за черные свои избы, однакож понемногу оставляют их» [43].

И еще одна цитата из другой работы того же автора, касающаяся жилищ по р. Илим (Илимская волость Киренского округа): «Домы у крестьян, по большей части, курные, но у многих есть горницы для лета, без печей; они называются клетями. Домы у казаков с печами. Опрятность – элемент в жизни сибиряка. Стены до половины черны, а пол, скамейки и стол чисты. Большой двор делится домом надвое. Двор передний обстроен амбарами, на заднем дворе скот, клевы и сенник. При каждом доме непременно огород, тут садят все овощи, не забыт и табак, а картофель с давних времен составляет народную пищу в посты. Подле огорода телятник, лужок, обгороженный жердями» [44].

Судя по этим описаниям, процесс замены черных изб на белые, который к тому времени в целом уже произошел на территории Иркутской губернии, в таких отдаленных местах, как Приленье и Приилимье, еще только начинался. Белые печи, которые ставились в горницах, в то время могли быть уже не только русскими, но и распространившимися в России голландскими (голландки), служившими лишь для обогрева помещения. К сожалению, автор не уточняет, какие именно печи видел он. Упоминание же о том, что горницы без печей (холодные горницы) назывались у илимских

крестьян клетями, – дополнительное свидетельство в пользу того, что горница в сибирских деревнях – это трансформировавшаяся клеть.

Наблюдения Н.С. Щукина о белых и черных избах подтверждаются и впечатлениями отставного титулярного советника В. Паршина, составившего в 1849 г. «Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии». «Крестьяне Киренского округа, – пишет он, – <...> живут в так называемых курных (черных) избах с печами без труб, и зимою любимое место у них в этих избах – на жарких палатах. Палаты устраиваются из настилки досок на брусках, между полом и потолком, но ближе к потолку, нежели полу.

Проезжий может задохнуться и ослепнуть от дыму во время топки какой-то кучи из камней и плит, называемой печью.

В почтовых станциях по берегам Лены – везде такие избы, а для проезжающих устроены особые чуланчики с камельками. При 40° мороза приют в этих чуланчиках незаманчив и проезжающий поневоле, подражая местным жителям, старается обогреться на высоких палатах, рассматривая на досуге черные, как будто обитые дорогим бархатом стены и потолки хаты под вековой сажею!

Киренские крестьяне думают, что курные избы теплее белых. Есть, впрочем, и белые дома, но у немногих вольнодумцев» [45].

В описаниях путешественников XIX в., совершавших путь по р. Лене, встречается немало интересных для нас подробностей, свидетельствующих, каким было ленское жилище того времени. В частности, многие из них обращали внимание на то, чем закрывались окна. Так, Н.С. Щукин, упомянув, что «в окнах по большей части слюда», пишет по этому поводу следующее: «Хорошая слюда чиста как стекло, превосходит его в прочности, может быть 20 процентами; но года через два, три начинает выветриваться, темнеть, лупиться, и наконец делается худо прозрачною.

Делание слюдяных окон составляло прежде особое искусство. Мне случалось видеть в старинных церквях слюдяные окна, подобранные с большим искусством в рисунке. Пластинки слюды в натуральных своих формах подбираются одна к другой так, чтоб в целом вышла какая-нибудь фигура в готическом вкусе. На слой пластинок кладется по жестяной узкой полоске с обеих сторон, которые скрепляют тонкими железными гвоздями. Поперек рамы, местах в двух, или трех, смотря по величине окна, идут железные прутики, обыкновенно ребром, чтоб не заслоняли света; – к этим прутикам прикрепляется вся слюда. Искусство делать слюдяные окна скоро исчезнет, и потомкам нашим придется, может быть, писать об нем рассуждения, как о живописи на стекле» [46].

Хотя к 1840-м гг. в Иркутской губернии стекло уже получило широкое распространение, однако качество его, особенно местного, было еще невысоким, а стоимость выше, чем у слюды, в связи с чем последняя по-прежнему продолжала преобладать в окнах ленских жилищ.

В то же время окна многих крестьянских изб закрывались и другими различными способами. Для этого использовались бычий пузырь и скотская брюшина, рыбы паюс и кожа, пропитанная жиром или просмоленная ткань, промасленная бумага и даже обычный, взятый с реки лед. К примеру, возвращавшийся из своего путешествия на фрегате «Паллада» И.А. Гончаров, выехав из Якутска и проезжая по Витимской волости Киренского округа, 13 декабря 1854 г. сделал такую запись: «Лена, Лена и Лена! Но все еще пустая Лена; кое-где на лугах видны большие кучи снегу – это стога сена; кое-где три, четыре двора, есть хижинки, буквально заваленные снегом, с отверстиями, то есть окошками, в которых вставлены льдины вместо стекла: ничего, тепло, только на улице ничего не видеть. В других избах, и это большею частью, окна затянуты бычачьими пузырями» [47].

Окна, затянутые мочевым пузырем крупного рогатого скота или тонкой полупрозрачной оболочкой, которая покрывает внутренние стенки брюшной полости животных, в крестьянских жилищах середины XIX в. были весьма распространенным явлением. П.А. Кропоткин, находясь в 1862 г. в с. Кударе (устье р. Селенги), отметил в своем дневнике, что в избах там вместо стекол везде вставлена «скотская брюшина», и записал следующее объяснение местных жителей о ее преимуществе: «Оно удобнее, потому, что как дверь отворяют, так она хлопнет, и весь снег, что намерзнет, спадет, а стекло так намерзнет, что зги не видно» [48].

Он же отметил еще один способ, которым закрывались тогда (1856 г.) окна: «...двойных рам в деревнях почти не делается, а одиночные часто состоят из кусочков битого посудного стекла, вделанного в бересту» [49].

Несмотря на все любопытные детали, которые сообщают путешественники о ленских жилищах, несмотря на то, что в их описаниях упоминаются отдельные элементы интерьера и хоть как-то говорится о планировке крестьянских дворов, все же их описания были весьма кратки и далеко не полны. Лишь со второй половины XIX в., с образованием Русского географического общества (1845 г.), а затем его Сибирского отдела (1851 г.) начинаются серьезные этнографические исследования народов Сибири, в том числе и русского старожильческого населения.

Наиболее подробные описания крестьянских жилищ на р. Лене опубликованы в 1870 г. медиками Ф. Шперком и Н.И. Кашиным. Изучая характерные для ленских жителей заболевания, они детально исследовали быт ленских крестьян. Ввиду того что выполненная этими авторами работа по обследованию жилищ имеет особую важность для нас, приведем их описания практически полностью. Так, Ф. Шперк изложил свои наблюдения о крестьянских жилищах Верхоленского округа следующим образом: «Дома (избы) строятся преимущественно из соснового леса, причем изба ставится фасадом во двор, выходя узкою своею стороною в два или три окна на улицу, и состоит из двух равных половин, разделенных проходными большими сенями, в которых четыре двери; первые ведут с чистого двора в сени, против них находится другая дверь, ведущая на задний, скотный двор; далее двери в жилую половину, обращенную к улице, и двери в белую половину, выходящую во двор и предназначенную для приема гостей и празднеств; но так как последние бывают редко, то белая половина большую часть года стоит пустая, а в зимнее время и не топленная, для сбережения дров; в черной же половине живут все, как бы ни было велико семейство; в ней приготавливают пищу, моют белье и работают. В сенях отгораживается место для кладовой (чулана) – казенки, и находятся полки и деревянные спицы (вбитые в стены) для вешания конской сбруи. Каждая из половин дома заключает в себе по две комнаты, разделенные деревянною перегородкой, идущей обыкновенно от угла печи к противоположной стене; перегородка не доходит до потолка и нередко бывает окрашена масляной краской, в синий или красный цвет. Передняя комната в каждой половине делается гораздо более просторною; в ней, при входе, над дверьми находятся полати, которые состоят из настланных досок на толстую балку, идущую от печи поперек комнаты; полати назначаются для спанья и помещения детей, так как на них воздух теплее. При входе в жилую половину, налево, у самых дверей стоит большая, кухонная русская печь, битая из глины; отверстие в печи для топки находится в меньшей комнате, против окна, и называется целом и делается полукругом, место перед целом называется шестком³, между печью и стеной, в остающемся довольно узком пространстве, приделывается, наравне с высотой печи, служащая ей как бы продолжением деревянная пристройка и известная под названием голбчика, которая служит вечным местом для лежания ба-

³ Под шестком, внизу печи, находится небольшое помещение для кур в зимнее время. – Примечание Ф. Шперка.

бушки или дедушки и отогревания их старых костей. За печью (под голбчиком) находится ход по лестнице в яму, вырытую под полом и называемую подпольем, которое служит для хранения овощей в зимнее время. В избе вокруг стен делаются лавки, предназначенные для сиденья, а над окнами находятся вокруг стен полки, на которых в переднем углу (божница) помещается несколько образов, с которых сошли от времени представленные на них изображения; перед этими образами обыкновенно стоят восковые тоненькие свечки; в переднем же углу ставится стол, необыкновенно массивной и прочной работы, предназначенный для трапезы и который при гостях (почетных) покрывается скатертью из самодельного, толстого холста. Комната за перегородкой называется кутью; в ней толчется с своим хозяйством все женское население избы, по обыкновению скрывающееся в ней (кутьи) при входе незнакомых людей <...>. Белая половина имеет то же устройство, с тою только разницей, что не имеет полатей, стены в ней белятся, или передний угол оклеивается обоями, на стенах висят картинки лубочного произведения, с изображением рыцарей, парадов, стражей и пр. Говоря о постройке жилищ, я должен сказать, что вообще избы малы, низки; входя в дверь, нужно беречь свою голову от ушиба; окна небольшие, слюдяные, в белой половине – из стекла. Это – устройство жилищ большей части обитателей Верхоленского округа, с тою разницей, что у одних избы немного попросторнее, а у других теснее; но у более бедных крестьян избы состоят только из одной комнаты, без сеней; вход прямо со двора, устройство же внутреннее то же самое. В округе, в редких селениях, встречаются у крестьян так называемые черные или курные избы; но подобные избы вновь не строятся, а составляют воспоминание старины; подобная изба отличается устройством только печи, которая [не] имеет трубу, и дым, выходя из чела печи, идет в отверстие, сделанное сбоку или над печью, в стене избы; это отверстие бывает величиной в небольшое окно и запирается деревянным ставнем; во время топки изба наполняется дымом и в ней делается очень холодно, так как отворяют еще двери для того, чтобы выходил дым; но когда печь истопится и отверстие для выхода дыма закроется, то изба скоро и сильно нагревается, воздух в ней походит на банный и у меня постоянно производил щекотание в горле и особенный, как бы горький, вкус во рту. Окна в этих избах делаются низко, затянуты часто бычачьим пузырем, стены и потолок от дыма прокоптевшие и совершенно черные, отчего изба имеет в высшей степени мрачный вид, даже во время солнечного дня; вечером же, при треске горячей и дымящейся лучины, вся обстановка в такой избе получает какой-то фантастический вид. В зимнее время у всех без исключения крестьян в избе держатся куры, а во время тепла – коровы, небольшие телята, а равно ягнята, поросята и собаки помещаются в жилой избе, в которой нередко живут два или три больших семейства; происходящие оттого: нечистота, вонь, духота, полусвет, сырость, а нередко и угар, составляя необходимые последствия подобного устройства жилищ и образа жизни, суть спутники жизни каждого крестьянина с колыбели до могилы. Изба строится обыкновенно так, что разделяется двор на две половины; против лицевой стороны, т. е. переднего крыльца, в недалеком расстоянии ставится небольшой амбар; а на заднем дворе – сарай, обращенный открытою стороною на юг; в нем небольшая часть забирается перегородкой и проконопачивается, составляя небольшой хлев для телят и овец; сверху сарая делается род сенника, называемый поветями <...>. В телятнике или утуге у каждого домохозяина находится овин, необходимая принадлежность сельского хозяина, так как в округе без предварительного просушивания хлеб не молотится» [50].

Отметим здесь только, что утугом назывался бурятский удобряемый покос близ жилища. Это обязательное для хозяйства бурят уголье было заимствовано и живущими по соседству верхоленскими крестьянами.

Подробное описание Ф. Шперка дополняет Н.И. Кашин, который помимо Верхотенского обследовал также и Киренский округ: «Для постройки домов жители употребляют сосновый или лиственный лес, но преимущественно сосновый. Домом обыкновенно служит простая русская изба с сенями; бывают однакож и такие дома, где к сеням пристраивается и чистая горница, которая, впрочем, служит не столько для жилья, сколько для приема гостей, или же, короче сказать, живут в ней только по великим праздникам, также летом или же, наконец, занимают ее в некоторые дни, торжественные для семьи хозяина, напр., во время свадьбы, крестин и проч. Надобно также заметить при этом, что такое устройство дома, т. е. с избой и отдельною чистою горницей показывает уже более или менее значительную зажиточность владельца. Большая же часть туземного населения, чаще бедного, чем богатого, ограничивается постройкой простой избы с сенями и разве еще встречается на том же дворе где-нибудь всегда плохое, кое-как и на скорую руку состроенное зимовье, необходимое для его домашнего, всегда впрочем не богатого, хозяйства. Для окон в домах обыкновенно служит слюда, брюшина⁴ и в весьма редких домах можно встретить окна из стекла, что составляет уже особенную роскошь и указывает на безбедность хозяина. Все внутреннее убранство таких домов составляют обыкновенно: в переднем углу божница с образами, по сторонам избы чаще неподвижные широкие лавки или же подвижные скамьи; в редких домах можно встретить один или два стула простой домашней работы; в переднем же углу перед лавками стоит всегда стол, редко покрашенный, преимущественно голубую или же красною красками. Тотчас от дверей кладется, обыкновенно на деревянных устоях, большая русская печь, но не из кирпичей, а преимущественно из одной глины, что составляет так называемую битую печь, которая иногда кладется без трубы. Таким образом, внутренние стены таких домов представляются грязными и черными вследствие копоти, происходящей от дыма при топке печей; для выхода же дыма устраивается особенное окно или же отворяются во время топки двери. Голландские печи бывают только в тех домах, при которых пристроена светлая и чистая горница. В некоторых домах, даже и в простых избах, встречается иногда досчатая перегородка, идущая от печи до противоположной стены и составляющая таким образом отделение для кухни. Полати и при печи пристроенная лавка или, как ее здесь называют, голбец – тоже неперменные принадлежности каждого дома. Мытье и чистка домов совершается не более трех раз в течение года, а именно пред великими праздниками; но самая чистка, как почти и везде по Сибири, производится посредством скобления стен и полов ножами. Такая работа нередко продолжается дня два и совершается, при недостатке в доме женского пола, помощью соседок, по очереди, в каждом доме.

Для освещения домов обыкновенно служит лучина, особенно по деревням и селениям Киренского округа; весьма редко встречаются свечи и то своего домашнего приготовления, так называемые свечи ма́канцы, или же бывают и литые, но в таком случае им вместо формы служат или кишки домашних животных, или стебли борщевика (*Heracleum Sphondilium* L.) и дягиля (*Angelica – Archangelica* L.).

Спят жители обыкновенно на полатах, печи, голбце, лавках; но большею частью на полу. Подстилкой служит постоянно потник (войлок) или же всякое носильное платье, вместо одеял служит то же самое. В зимнее время в тех же хатах помещаются телята, под печью куры и в то же время – многочисленное семейство; все это вместе, конечно, производит нестерпимо душную атмосферу. Клопы и тараканы тоже неперменная принадлежность каждого дома.

Надворных пристроек при дворах почти никаких нет. Один частокол или жердевая изгородь составляет весь двор и те же жердевые изгороди отделяют домашний скот от скирдов хлеба, помещаемых иногда на задних дворах. Только у некоторых зажиточных крестьян можно встретить некоторые необходимые надворные строения» [51].

⁴ Peritoneum домашних животных. – Примечание Н.И. Кашина.

Трудно переоценить значение приведенных текстов. Перед нами самые полные и подробные описания крестьянских жилищ населения р. Лены за весь исследуемый период. Как зафиксировали авторы, во второй половине 1860-х гг. существовало два типа жилых построек, основным из которых являлась простая изба, подчас даже не имевшая сеней.

Сегодня нам трудно представить жизнь в обычной для того времени крестьянской избе, особенно в курной: закопченные потолок и стены, маленькие окна, закрытые брюшиной или потускневшей слюдой, ни электричества, столь обыкновенного для современного жителя, ни даже керосиновой лампы, изба освещается «горящей и дымящей» лучиной... В одном небольшом помещении размещается вся семья, насчитывающая до десяти, а то и более человек, здесь же куры, телята, собаки, а также неперенные спутники тогдашней жизни – клопы и тараканы...

В «Заметках о Киренском округе и реке Лене», опубликованных в «Иркутских губернских ведомостях» в 1860 г., о жителях подобных изб сообщались еще некоторые интересные подробности: «Умываются не всегда, а голову чешут еще реже. Белье переменяют только в экстренных случаях, а потому в ихнем белье обитает изумительное количество насекомых паразитов. Для полноты картины нужно прибавить, что белковые собаки зимою и летом постоянно бывают в избах и составляют что-то вроде членов семейства, потому что нередко едят из той же посуды, в которой готовят себе пищу их хозяева» [52].

Все же, говоря о черных, или курных, избах, Ф. Шперк и Н.И. Кашин отмечали, что хотя на Лене они еще сохранились, однако «вновь не строятся». Таким образом, к 1870 г., через 40 лет после посещения тех же мест Н.С. Щукиным, у ленских крестьян произошел переход к отоплению жилищ по-белому, белые избы на Лене стали преобладать. Эту перемену зафиксировал и П.А. Кропоткин, проплывший по р. Лене в 1866 г. [53].

Другим типом жилища на Лене, о котором писали Ф. Шперк и Н.И. Кашин, была связь. Она появлялась у более зажиточных крестьян, которые к жилой избе пристраивали через сени «светлую и чистую» горницу. Предназначенные «для приема гостей и празднеств» и свидетельствующие о достатке их хозяев, горницы в крестьянских жилищах того времени большей частью стояли пустыми. Отапливались они как русскими, так и повсеместно распространившимися голландскими печами. В горницах, в отличие от изб, не было поладей, стены белились или оклеивались обоями, украшались образами и лубочными картинками, окна стеклились. Обставлялись горницы не только обычными для изб столами и скамейками, но и другой, более представительной, мебелью – стульями, шкафами для праздничной посуды, деревянными кроватями и др.

Следует отметить еще одно новшество в интерьере жилища, на которое обратили внимание Ф. Шперк и Н.И. Кашин. В 1860-е гг. на Лене вместо занавески «из ситца или своедельной ткани» [54], отделявшей куть от остальной части избы, становится обычной деревянная перегородка – заборка, появление которой, по всей видимости, было связано с распространением пилы и более дешевых, по сравнению с тесом, пиленных досок. Перегородки в домах и предметы мебели нередко красились масляной краской, однако свидетельств о художественных росписях их авторы не приводят, хотя в том же Киренском уезде, на р. Илим, такая традиция в конце XIX в. существовала [55].

Использование же краски в интерьере ленского крестьянского жилища фиксируется уже в начале XIX в. Так, в 1801 г. при описании имущества крестьянина с. Чечуйского Логинова Федорова сына Мишарина упоминается и «стол, раскрашенной разными красками» [56].

Несмотря на всю полноту и детальность описаний Ф. Шперка и Н.И. Кашина, авторы, к нашему сожалению, совершенно не уделили внимания такой сфере крестьянского домостроительства, как конструкция жилища. А в этой сфере в последующие десятилетия начинают происходить существенные перемены.

В последней трети XIX в. на Лене распространяется еще один тип дома – пятистенки. Прием переруба избы капитальной стеной, в результате чего обра-

зовывался пятистенок, был известен в Сибири с первой четверти XVII в. [57]. Однако тогда он не получил широкого применения. Исследователи связывают распространение пятистенка с распадом больших, неразделенных, семей, что повсеместно стало происходить в XIX в. [58].

Помимо пятистенка появляются другие типы жилища: шестистенок, крестовик. При этом меняется способ рубки: вместо традиционного угла «с остатком» (рубка «в обло»), как дома, так и хозяйственные постройки рубят с чистым углом – «в лапу». Двухскатная щипцовая крыша на самцах и слегах, на потоках и курицах быстро начинает меняться на стропильную, часто четырехскатную. Дома теперь строятся больших, чем прежде, размеров и с большим количеством окон.

Изменяется и внутренняя планировка жилища, что обусловлено иным размещением русской печи. Печь уменьшается в размерах, отодвигается от входной стены к середине помещения и разворачивается на 180 градусов, устьем в сторону двери. В освободившемся пространстве перед печью теперь размещается кухня, в стене которой напротив устья печи прорубается дополнительное окно. В то же время сзади печи появляется пространство для отдельной, выгороженной заборкой, чистой комнаты – спальни. Полаты в таких домах уже не устраиваются: при новом расположении печи, отодвинутой от входа, они и не могут быть устроены на прежнем месте. Полаты в избе перестают быть необходимыми [59].

К сожалению, редкие опубликованные свидетельства современников и скудные архивные источники последней трети XIX в. не дают возможности полноценно осветить и проиллюстрировать все эти перемены. Более подробно и доказательно описать ленское жилище в указанный период можно по результатам многочисленных полевых исследований, проводившихся в Иркутской области во второй половине XX – начале XXI в. как архитекторами, так и историками, в том числе автором данной статьи. Однако это, на наш взгляд, тема отдельной, самостоятельной, статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 2. С. 120.
2. Цит. по: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 167.
3. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390: Переписная книга постоянных дворов Енисейска. Л. 15, 15 об.
4. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 78.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700: Переписная книга строения, комнат, имущества (посуда, одежда, иконы), скота Иркутских посадских людей, пеших казаков и посадских людей г. Илимска, Кабанского острога, Селенгинска, Удинска. Л. 4 об.
6. Там же. Л. 5.
7. Там же. Л. 7.
8. Там же. Л. 3 об., 6 об.
9. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 15 об.
10. От слова «казна», означавшего в Древней Руси запасы всякой домашней рухляди, драгоценных камней, денег и проч. (Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 26. С. 930).
11. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 18, 21 об.; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 2, 4 об.
12. См. словарь В.И. Даля: «Подволочить крышу, настлать потолок или накат, отделить чердак настилкою» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 3. С. 165).
13. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 19 об.
14. Сабурова Л.М. Русское население Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1971. С. 61.
15. Так же как и пол, потолок в деревенских жилищах мог быть двойным: «черным» и «чистым». В последнем случае бревна потолка, засыпавшиеся сверху землей, снизу подшивались тесом, что и составляло собственно подволоку – нижнюю сторону потолка. Слово «подволока» здесь приобретало зна-

чение «чистого потолка» (Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск: Амфора, 2009. С. 426, 427). В городских хоромы подволоки могли быть резными, расписными, золочеными, украшенными слюдой, металлом, костью и т. д. (Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. I: Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 75).

В курных деревенских избах устраивать подволоку (чистый потолок) не было никакого смысла. Непонятно, однако, почему в цитируемых документах подволока не упоминается при описании горниц.

16. Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2013. Ч. 2. С. 785.

17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 8.

18. Отсюда же, кстати, и слово «горничная», т. е. «служанка при верхних покоях, в которых жили господа и гости» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 1. С. 442).

19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 2; Кн. 1390. Л. 22 об., 53 об.

20. Там же. Л. 15 об.–16.

21. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 53 об.

22. Там же. Л. 17, 19, 55.

23. Там же. Л. 16 об., 19 об., 22.

24. По В.И. Далю, оконница – это «рама, переплет оконный, в который вмазываются окончины, стекла, но местами и окончину, стекло, зовут оконницей» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. С. 664).

25. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 24, 57 об.; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 2.

26. Цит. по: Зиннер Э.П. Указ. соч. С. 175.

27. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 54 об., 56 об.

28. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 78.

29. Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 95.

30. Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке: Документальное повествование. М.: Древлехранилище, 2013. Ч. 3. С. 709.

31. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 280. См. также: Красноштанов Г.Б. На ленских пашнях в XVII веке. Ч. 3. С. 818.

32. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 43, 81, 107.

33. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 18.

34. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 26.

35. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.

36. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 51. Л. 29–29 об.

37. На Илеме еще в 1920-е гг. продолжали использовать соломенные коврики, которыми вместо ставень закрывали снаружи окна домов: «Маленькие «волоковые» окна исчезли лет 30 назад. Ставень совсем не имеется. Вместо них употребляются «ковры», которые плетутся из ржаной соломы и перебираются конопляной веревкой. На ночь закрывают ими снаружи окна и припирают их палками – мороз не так лезет» (Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Указ. соч. С. 206).

38. ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

39. Там же. Л. 5.

40. Шахеров В.П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. С. 44.

41. Шукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833. С. 33.

42. Шукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844. С. 43.

43. Там же. С. 111.

44. Шукин Н. Поездка на реку Илим. [Б. м., б. г.]. С. 35.

45. Архив Русского географического общества. Р. 59. Оп. 1. Д. 15: Историческое, географическое и этнографическое начертание Иркутской губернии, составленное отставным титулярным советником В. Паршиным. Л. 303 об.–304 об.

46. Шукин Н. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. С. 43, 96.

47. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 549.

48. Дневник П.А. Кропоткина. М.; Пг., 1923. С. 66.

49. Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М.: Сов. Россия, 1992. С. 370.
50. Шперк Ф. Верхоленский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. С. 158–160.
51. Кашин Н.И. Эндемия зоба и кретинизма в приленской долине и по другим местностям Иркутской губернии // Медико-топографический сборник. С. 260–262.
52. Заметки о Киренском округе и реке Лене // Иркутские губернские ведомости. 1860. 1 окт. (№ 40). Часть неофициальная, с. 3.
53. Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 134.
54. Заметки о быте поселян Иркутского уезда // Иркутские губернские ведомости. 1857. 22 авг. (№ 15). Неофициальная часть, с. 4.
55. Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Указ. соч. С. 357–397.
56. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 232. Л. 205.
57. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. С. 108.
58. Липинская В.А., Сафьянова А.В. Жилище русского населения южной части Тюменской области (середина XIX – начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974. С. 183.
59. Лыхин Ю.П., Аболина Л.А. Русская печь на берегах Лены // Русская Америка и Восточная Сибирь: материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Кяхта, 14 авг., 2009 г.). Иркутск, 2011. С. 212–213.

